

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.3006](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006)**Д. Г. Подвойский****МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ
VERSUS СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ:
ВОЗМОЖЕН ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ?****Правильная ссылка на статью:**

Подвойский Д. Г. Методологический индивидуализм versus социальный реализм: возможен ли теоретический синтез? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 247—263. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2025) Methodological Individualism Versus Social Realism: Is Theoretical Synthesis Possible? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 247–263. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006>. (In Russ.)

Получено: 27.04.2025. Принято к публикации: 01.07.2025.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ VERSUS СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ?

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. Одной из смыслообразующих осей, выстраивающих теоретический ландшафт современного научного обществознания, до настоящего времени остается диалектическая проблема «субъекта (действия, agency) — структуры». Ключевой тезис статьи заключается в утверждении, что волонтизм человеческого действия («свобода воли») с неизбежностью, то есть закономерно, вплетается в сеть структур разного уровня и порядка («интернальных» и «экстернальных», микро- и макро-, культурных и институциональных, аксиологических и нормативных), образующих ряд условий и предпосылок воспроизведения организованных форм социальных интеракций и отношений, а также выступающих источниками явной и/или латентной правилосообразности поведения людей в обществе. Теоретико-методологический подход, принимаемый автором, ориентируется на «синтетические» социологические концепции, стремящиеся к объединению «реалистской» и «номиналистской» перспектив анализа социальной жизни и к преодолению их внутренних логических противоречий.

METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM VERSUS SOCIAL REALISM: IS THEORETICAL SYNTHESIS POSSIBLE?

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Research Fellow
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. One of the meaning-forming axes that builds the theoretical landscape of modern social sciences is still the dialectical problem of «subject (action, agency) — structure». The main thesis of this article is the assertion that the voluntarism of human action («freedom of will») is inevitably, that is, naturally, woven into a network of structures of different levels and orders («internal» and «external», micro- and macro-, cultural and institutional, axiological and normative), forming a number of conditions and prerequisites for the reproduction of organized forms of social interactions and relationships, and also acting as sources of explicit and latent rule-based behavior of people in society. The author adopts a theoretical and methodological approach that is oriented toward «synthetic» sociological concepts and shows its potential for combining the «realist» and «nominalist» perspectives of analyzing social life and overcoming their internal logical contradictions.

Ключевые слова: реализм, номинализм, методологический индивидуализм, социальное действие, социальное взаимодействие, принцип AGIL, проблема «Ego — Alter», контингентность, социальная структура

Благодарность. Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Keywords: realism, nominalism, methodological individualism, social action, social interaction, AGIL-principle, «Ego — Alter» problem, contingency, social structure

Acknowledgments. The research was supported with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00440 «Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical knowledge».

Человеческое действие / социальная структура: два берега одной реки

«Противопоставление „действия“ „системе“ или „структуре“ — одно из наиболее распространенных во всей традиции социального теоретизирования», — справедливо констатирует Уильям Аутвейт [Аутвейт, 1991: 160]. В то же время, — утверждает британский социолог, — мы постоянно сталкиваемся с тенденцией «отождествлять уровень „действия“ со свободой, а „структурный“ или „системный“ уровень — с ограничениями» [там же]. И кем являются люди в таком случае — марионетками или активными игроками на социальном поле с широкими возможностями? Общественная жизнь не дает однозначного ответа, поскольку человек может представлять и тем, и другим в разной степени — в зависимости от исторического контекста, эпохи, обстоятельств, особенностей социальной структуры и, конечно, от самого взгляда, каким мы смотрим на проблему человеческой свободы.

Человек мыслящий (человек как субъект) и человек действующий (человек как актор), с одной стороны, и общество (система, структура), с другой, являются элементами аналитически смонтированной бинарной оппозиции. Хотя оперирует этой диадой не только социальная теория, но и обыденное сознание, по крайней мере в современных обществах, немало потрудившихся над от- или вы-делением Я от (или из) Мы/Они [Элиас, 2001]. На самом же деле в эмпирической реальности социальной жизни индивид и общество не столько противопоставлены, сколько предполагают друг друга, и поэтому могут быть определены только друг через друга. Общество складывается из людей, их мыслей, слов и поступков, образующих его исходный субстрат. Иначе говоря, молекулярная формула социального вещества конституируется человеческой деятельностью как собственной фундаментальной атомарной тканью. «Химия» социального выстраивается из «физики» человеческого. В свою очередь люди, рассматриваемые вне среды существования с себе подобными, просто перестают быть самими собой. *Differentia specifica* «социальности», по-видимому, является неустранимым в дефиниции человека как существа особого рода.

Понятийная диада «человек — общество» имеет множество смысловых коннотаций, в том числе метафизических, религиозных, этических, политико-

идеологических, которые мы позволим себе вынести за скобки наших рассуждений. Попробуем сосредоточиться на вопросе более специальном, но при этом ключевом для социологической теории в целом: способна ли последняя без видимых перекосов синтезировать в одной объяснительной модели кажущиеся полярными позиции методологического индивидуализма и коллективизма, социологического номинализма и реализма, сингуляризма и холизма? Должны ли мы строго предпочитать какую-то одну: восходящую или нисходящую линию рассуждения — двигаться от действия к социальным структурам (институциональным, культурно-символическим и т. д.) или в обратном направлении?

Формулировка «в начале было...» здесь, по-видимому, неуместна. Какое звено считать первым — индивида или социальную структуру — не так важно; гораздо важнее надежность самой цепи, опосредующей, соединяющей крайние точки понятийного ряда. Цепь взаимной детерминации самозамкнута, и можно гулять мыслью по кругу, в обоих направлениях — от индивидов к институтам (экстернализация) и обратно (интернализация) [Бергер, Лукман, 1995]. Где стартовать — не столь принципиально, но все же проще (из соображений аналитической ясности) отталкиваться от людей и их действий.

Разумеется, никакого несоциализированного индивида (или рядоположенных несоциализированных индивидов), начинающего или начинающих писать летопись общественной жизни с нуля (*de novo* и *ex nihilo*), в природе мы никогда и нигде не отыщем. Социальный пазл складывается из взаимно ориентированных человеческих поступков как фрагментов, но эти фрагменты по отдельности, то есть вне пазла, представить себе нельзя, не уничтожив полностью их эмпирическое своеобразие. Предшествуют ли логически части целому, если они никогда вне этого целого не существовали? — Нет! Но все же начинать разговор лучше с индивидуальных действий, потому что именно они, взятые в совокупности, образуют простейший, атомарный уровень социальной жизни. Кроме того, имеются еще две причины, определяющие целесообразность старта рассуждений в указанной точке.

1) Только человек наделен такими интегральными качествами, как субъектность и агентность, обладает свободой воли, способен хотеть, мочь, думать, стремиться, ставить цели и достигать их, выбирать, отказываться от чего-то по идеяным соображениям, испытывать душевные страдания, превозмогать, любить и ненавидеть, хитрить и лицемерить, жертвовать собой, гордиться, стыдиться, мучиться муками совести, выполнять или нарушать обещания, оперировать категориями долженствования и т. д.

2) Социологическому анализу в строгом смысле подлежат только конфигурации человеческих действий, потому что только они эмпирически наблюдаемы. Все остальное в общественных науках — лишь бесхитростная или же прихотливая игра понятий; «все слова, слова, слова». На действие в отличие от всего остального в социальной жизни можно указать пальцем, сказав: вот смотрите, он/она делает это.

Если вы захотите указать пальцем на институты, вы все равно попадете в людей и их поступки. Общность, группа, семья, класс, организация, университет, партия, родина, церковь, государство, армия, страна, цивилизация, народ, рынок, аномия, безработица, стратификация, бюрократия, нищета, разруха, кризис, процветание, капитализм и т. п. — всего-навсего научные термины (и/или элементы

публичного или обыденного языков), абстрактные собирательные понятия, которые никакой самостоятельной субъектностью/агентностью (см. п. 1) не обладают.

Совершенно прав П. Бурдье, заметивший однажды: «Язык ставит социолога перед весьма драматической проблемой: он, по сути дела, оказывается неисчерпаемым кладезем натурализованных заранее сконструированных конструктов» [Бурдье, 2002: 396]. Наши способы изъяснения порождают иллюзию, что за именами существительными, употребляемыми нами в речи, стоят какие-то особые сущности, скрываются какие-то субстанции. Методологический индивидуализм — подход *номиналистский*, выступающий против необоснованной эссенциализации имен — разного рода вывесок, табличек, нашивок, оберточек, упаковок, порой камуфлирующих пустоту или, как минимум, стригущих и красящих шкурку русского зайца, умерщвленного в Тульской губернии, под соболя или шанхайского барса.

Это (п. 1, 2), так сказать, два основных козыря в колоде методологического индивидуализма. Поэтому-то в социальной теории начинать разговор с уровня человеческого действия кажется решением вполне оправданным. Так поступали и авторы, мыслившие отнюдь не по-сингуляристски, — тот же Т. Парсонс [Парсонс, 2000, 2002].

С другой стороны, важно не только то, с чего мы начинаем, но и то, к чему мы в результате приходим. Социологический анализ действия в итоге действием обычно не ограничивается. Или, что то же самое, одним лишь действием действие объяснить не получается. Лишь на первый взгляд парадоксально звучит утверждение: ничего¹ (точнее, никого), кроме людей, в обществе нет, но из самих людей (взятых по отдельности) людей не объяснить.

И вот здесь мало-помалу начинает вступать в игру социальный (или социологический) реализм, признающий за феноменами общественной жизни статус бытия *sui generis*. Индивидуальное действие, будучи помещенным в социальный контекст (а оно всегда в него так или иначе помещено) как бы перерастает самое себя и дает начало новой реальности. Поэтому все те слова, которые социальные науки и естественный язык используют для описания общественных явлений, — все эти «всего лишь имена» — оказываются необходимыми, если мы хотим рассуждать о совместной жизни людей как о специфической области исследования. Главное в нашем деле — не забывать, что при оперировании обществоведческими понятиями мы всегда работаем с определенным языком описания, используем арсеналы теоретических конструкций, за фасадом которых скрывается живая ткань социального опыта людей, складывающегося в конечном счете из конкретных человеческих поступков.

Действие в координатах AGIL: поиграем с Парсонсом

Итак, представим себе человека действующего, то есть актора, как био-психо-социальное существо. Он/она имеет пол и возраст, анатомию и физиологию, определенный фенотип, набор внешних черт и характеристик, а также способностей и предрасположенностей, навыков, умений и знаний, имеет множественные

¹ Сейчас, правда, довольно часто (и вполне справедливо) замечают, что в процессах социального конструирования реальности участвуют не только люди, но и вещи — элементы рукотворной и нерукотворной материальной среды (так называемые актанты).

потребности разного происхождения (не только биологические) и стремится их удовлетворять. Индивид «в моменте» бывает взволнован, возбужден или спокоен, у него бывает стресс, депрессия, апатия. У него есть определенный психотип: он агрессивный холерик, жизнерадостный сангвиник, заторможенный флегматик или плаксивый меланхолик, «шустрик» или «мямлик», интроверт или экстраверт, и т. п. (и с этим, как говорится, пожалуйста, к психологам).

Выражаясь на философский манер, человек обладает сознанием и волей, а его действия интенциональны. У социального действия, если верить М. Веберу, имеется некий субъективный смысл, и этот смысл включает в себя ориентации на других людей, присутствующих или отсутствующих, реальных или воображаемых (хотя осмысленность поступка не всегда четко выражена). Человек не только чего-то хочет и что-то чувствует, он о чем-то думает, что-то делает и говорит (ведь слова — это тоже в некотором роде дела), объясняет себе и другим, скрывает и утаивает, что-то осознает, а что-то — нет.

Человеческая деятельность отличается от поведения животных. Поведение людей не является полностью реактивным (порождаемым реакцией организма на раздражитель, стимул). К биологическим потребностям, инстинктам и влечениям у человека прибавляются интересы и потребности небиологического уровня. Целесообразность поведения животных в природе основывается на воспроизведстве приспособительных программ реагирования на условия среды, выработанных в процессе эволюционного развития вида. Целесообразность человеческого действия предполагает сознательную постановку и выбор целей, а также выбор средств их достижения. К стимулам как внешним побудителям поведения у людей присоединяются мотивы, или «намерения», как побудители внутренние. Психологи в близком контексте предпочитают говорить об установке (или аттитюде) как о социально сформированной готовности или предрасположенности индивида к действию в определенном направлении.

Функцию мотивационных предпочтений выполняют ценности [Момджян, 2020], ценностные ориентации и образцы, определяющие в сознании актора субъективную значимость тех или иных благ и объектов. Ценности при всей их «формальной априорности» (добро, красота, справедливость, польза, истина и т. д.) нерабатываются индивидуально. Они являются продуктами культуры, хотя разные индивиды обладают избирательной и, по сути, индивидуализированной способностью интернализировать (в процессе социализации) те или иные наборы ценностных паттернов. Ценности напрямую связаны с нормами. Прочный альянс ценностей и норм заставил теоретиков, и в первую очередь Парсонса, говорить о нормативной ориентации действия.

Наконец, действие или цепочка действий в своем быстром или медленном течении всегда разворачивается в конкретной ситуации, которая влияет как на фактический исход — результат акта, так и на его субъективное определение актором. Ситуация включает в себя ряд наличных условий и обстоятельств, с которыми сталкивается актор и которые он должен принимать в расчет в процессе постановки, корректировки и достижения целей. Ситуация определяет внешний контекст планируемого действия (выше головы не прыгнешь!). А наши желания, увы, не всегда сочетаются с нашими возможностями.

Парсонсовская четырехфункциональная парадигма (так называемый принцип AGIL) хорошо показывает, как аналитически выделяемые подсистемы действия работают вместе. Попробуем проиллюстрировать эвристику этого подхода на конкретных (полушуточных) примерах.

Давайте вспомним сюжеты песни «Все могут короли» и мультфильма «Летучий корабль». Король из песни и царевна из сказки хотят устроить свою личную жизнь, найти себе вторую половину и создать семью. То есть цель в данном случае налицо. За постановку и достижение целей (Goal attainment) в системе действия отвечает личностная подсистема. Можно было бы выбрать и другую цель, но они выбрали такую. Причем оба при выборе партнера изначально ориентированы экспрессивно, а не инструментально — не как «очаровательный корнет» из «Соломенной шляпки», решивший жениться и взять в приданое миллион (пardon). Деньги их не интересуют, ими руководят субъективно переживаемые нежные чувства: «Но для Луи была милее всех она, решил Луи, что женится на ней»; «А я не хочу, не хочу по расчету, а я по любви, по любви хочу...»

За адаптацию (Adaptation) в системе действия отвечает поведенческо-организмическая подсистема: Луи Второй — половозрелый мужчина, царевна Забава — тоже девушка на выданье, физически уже вполне созрела для супружеской жизни.

Но в структуру действия всегда вмонтированы, как бы вшиты еще две подсистемы: социальная и культурная, выполняющие соответственно функции интеграции (Integration) и воспроизведения/поддержания образца (Latency / latent pattern maintenance). Любые действия, совершаемые индивидами, должны как-то согласовываться и соотноситься с образцами и нормами, которые вырабатывают и транслируют общество, спуская индивидам на уровень действия в качестве предписаний и модальностей: так надо / не надо, принято / не принято, прилично / неприлично... невест и женихов выбирают из этого круга, а из того не выбирают, если ты король или царская дочь («В царских семьях — уж такой порядок древний — по расчету надо замуж выходить»).

О генезисе упомянутых подсистем (I и L) мы еще не говорили (а они явно социального происхождения). Пока надо разобраться с тем, как они работают в элементарной структуре индивидуального действия. Нормы сообщают актору, как поступать можно, нельзя, требуется, следует, желательно и т. п., а ценности отвечают на вопрос «почему это так?».

В случае с Луи события развивались более эмпирически предсказуемо. К нему приехали соседи-короли и объяснили, как себя положено вести приличному самодержцу. Они могли напомнить ему о государственных долгах, междинастических связях, геополитическом положении, пригрозить разрывом отношений, войной, потребовать отречения от престола. При этом они могли давить, настаивать, шантажировать, угрожать, убеждать, призывать к здравому смыслу, привлекать мудрецов, священнослужителей, моралистов, задачей которых было бы озвучивание доказательств пагубности и греховности морганатических браков.

Социальные нормы могут работать и сами по себе, когда следование норме обеспечивается внешним давлением, благодаря угрозе негативных санкций, но чаще они работают в tandemе с культурой. Когда к вам приходят люди, с ме-

нием которых вы вынуждены или привыкли считаться, и призывают вас к ответу, указывая на недопустимость образования семейного союза монарха и пастушки-птичницы, вас начинают посещать тревожные мысли: а может, ваша избранница и вправду вам не ровня? Может, она недостаточно изящна, изысканна, благородна и утончenna, не читала рыцарских романов и не говорит свободно по-латыни. В песне не сказано, испугался ли Луи, сдался ли под натиском аргументов, поддался на уговоры, осознал неуместность, поспешность или легкомысленность своего выбора, но факт остается фактом: взял в жены он совсем другую женщину (хоть и не такую симпатичную, но, как и полагается, — королевского происхождения).

В случае с Забавой культура продиктовала иное решение, и нормы не помогли. Она предпочла простого доброго, рукастого и смекалистого парня коварному царедворцу-коммерсанту Полкану (в точном соответствии с замыслом сказки). Судя по нарративу, похоже, что царевна социализировалась в колхозе, пионерлагере или общежитии доярок, а не в палатах своего отца, или, возможно, она научилась в дворцовой библиотеке «деревенческой» литературы, воспевающей жизнь простого народа: «Маленький домик, русская печка, пол деревянный, лавка и свечка, котик-мурлыка, муж работающий, вот оно счастье — нет его слаще».

Разумеется, истории незадачливого короля Луи и пренебрегающей сословными условностями царевны Забавы суть продукты художественной фантазии, у которой имеются свои законы. Но и в них пропускают контуры модели социологического объяснения, которую при желании можно применить к любому человеческому действию.

Схемы и шаблоны как лекарства от головной боли

Как мы видели, в системе действия содержатся элементы и даже подсистемы, которые на уровне индивидуального поступка никогда бы не возникли, будь человек предоставлен только самому себе, и у него была бы счастливая (или не очень) возможность действовать в вакууме. Сами цели, которые актор ставит перед собой, неизбежно проходят (порой не без труда) через фильтрующее сите норм и ценностей, а выбор целей и средств всегда оказывается ограничен как наличными условиями действия (ситуацией), так и системой его явных и латентных социальных и культурных детерминант. Даже когда человек поступает, казалось бы, вопреки всему и вся, плывет против течения, что-то его побуждает поступать именно так, и его «упрямство» и желание двигаться вперед всем ветрам назло не ограничиваются только причинами психологического свойства. Решение идти другим путем, прорубаться сквозь джунгли неблагоприятных обстоятельств принимает именно социализированный индивид. Нонконформистский выбор делается во имя каких-то значимых для человека (не сугубо индивидуальных) ценностей. «Панк не менее правилосообразен, чем банковский клерк» [Волков, 1998: 158], а герой и поэт-романтик — не менее, чем лавочник-филистер и обыватель-мещанин.

Следующий шаг в объяснении социальной жизни нам помогут совершить философия и социология практического сознания (кантианского, прагматистского или феноменологического толков). Человеку фундаментально присуща склонность к упорядочиванию и структурированию элементов когнитивного опыта при помощи схем и шаблонов. В некотором роде это адаптационный механизм биологическо-

го вида. У животных он тоже имеется, просто у людей «машинка мироориентации» устроена сложнее. Жить значит познавать,— говорят эволюционные эпистемологи. Наши «головы и сердца», нервная система, аппарат восприятия и способы анализа информации, чувства, разум и рассудок собирают мир по кусочкам в некое целое, с которым можно ладить, иметь дело, то есть работать в повседневной жизни. Организм в любой конкретный момент времени осуществляет так называемую редукцию комплексности, упрощает свой поток опыта, алгоритмизируя реакции на множественные и разнородные вызовы собственной окружающей среды.

С философской точки зрения жизнь принципиально ненадежна, но люди пытаются с подобной ненадежностью как-то справиться, совладать. Поэтому обычно они в своей практической жизни первым делом выносят за скобки философию как нерелевантное знание, не задают себе и другим «дурацких» вопросов. Все мы все время ходим по краю бездны, но пытаемся этого не замечать. Нам нужно доверять себе, миру и людям хоть немного, чтобы жизнь продолжалась завтра, текла в привычном русле, чтобы знания можно было транслировать во времени. А вдруг солнце завтра не взойдет, у начальника отрастут ослиные уши (вот сме-ху-то было бы), соль превратится в сахар, карета — в тыкву, а яндекс-такси — в одуванчик?.. Но нет, мы «точно» знаем, что нет! — Такого случиться не может, разве что в нашей фантазии или во сне. А почему, собственно? Откуда это известно?..

Человек когнитивно осваивает внешний мир, как-то распознает и определяет объекты вокруг себя, в том числе людей. Он занимается сортировкой, каталогизацией предметов и живых существ (это — воробей, а это — синичка; это —solidный подарок на юбилей, а это — почти оскорбление; этот — надежный партнер, а тот — не очень), фреймированием ситуаций (это — свадьба, а это — похороны, это — просто пьянка, а это — пьянка по поводу). В своей жизни он пишет собственную кулинарную книгу, собирает и накапливает рецепты действий (как ухаживать за девушками, писать статьи, бежать стометровку, общаться с руководством, с папанами, с мамой). Биография каждого человека специфична. В «типологизированном» опыте индивидов образуется множество лакун (пустых листков кулинарной книги): кто-то не знает, как мыть посуду, заказывать доставку еды, а кто-то не умеет выступать на Генеральной ассамблее ООН, ходить по ковровой дорожке Каннского фестиваля и т. п.

Огромную роль в жизни людей играют рутины; их опыт является хабитуализированным (опривыченным). Рецепт, который нельзя записать на листочке, найти в нужный момент и применить снова, следует считать плохим рецептом. Говоря языком Э. Гидденса, для людей крайне важно испытывать чувство онтологической безопасности; они хотят более или менее твердо стоять на земле, быть уверенными в завтрашнем дне, хотят верить в предсказуемость событий. Эксперименты Г. Гарфинкеля хорошо показали: человек предпочитает крепко держаться за «условности»; людей раздражает, когда их выводят из зоны комфорта (онтологического, гносеологического, этического).

Процесс упорядочивания повседневного опыта включает в себя формирование, накопление и использование типизаций (как сказали бы феноменологи), или осуществление процедур категоризации (как сказали бы психологи-когнитивисты). По жизни мы занимаемся сравнением, уподоблением и различием объектов,

их подписыванием и маркировкой. Для этого у нас есть прекрасное средство — человеческий язык.

Значение языка (опять же заметим — феномена социального «до мозга костей») как инструмента организации когнитивного опыта трудно переоценить. Именно язык раскладывает в нашем мире все по полочкам и ящичкам с разнообразными ярлыками, бирками и закладками. Язык предоставляет в распоряжение человека свод правил и систему навигации в бурном потоке жизни (этот персонаж/ индивид такого сорта именуется подлецом, и я точно знаю, как надо себя вести с подобными типами... — сталкивались, не в первый раз!). Правилосообразность языковых конструкций оборачивается правилосообразностью нашей картины мира, а та в свою очередь — правилосообразностью наших практических действий. Мы одеваем реальность в языковые формы, и это помогает нам ориентироваться и не ослепнуть в ее невыносимой жужжащей, суетливо мелькающей пестроте. В результате мы превращаем окружающий нас хаос в порядок, точнее — в более или менее пригодную для решения наших жизненных задач иллюзию порядка.

Логика интеракции и социальный порядок

Мир, обживаемый человеком с такими усилиями, не просто субъективен, он интерсубъективен, то есть в нашем опыте есть другие люди, и мы делим этот мир с ними. Здесь уже можно и нужно выходить на другой уровень обсуждения темы — за пределы единичного действия и единичного сознания. Из взаимно ориентированных действий минимум двух индивидов складываются взаимодействия (из актов складываются интеракции).

В протекании взаимодействия обнаруживается дополнительный² источник неопределенности, а именно двойная (тройная и т.д. — в зависимости от числа участников) контингентность. Как верно замечает Парсонс, «с точки зрения любого... актора основным источником контингентности является неуверенность в том, каким образом его партнеры по взаимодействию будут „реагировать“ на его действия» [Шюц, Парсонс, 2021: 174]. Воображаемый пример (доведенных до крайности) неопределенности и неверного истолкования мотивов партнеров по интеракции описывается в замечательной юмореске Семена Альтова про «дорожно-транспортное происшествие»: водитель грузовика и женщина-пешеход, несмотря на знание ПДД и разделяемые в равной мере общий багаж знаний и культурный опыт, никак не могут разойтись на улице, постоянно приписывая друг другу неблаговидные намерения. И каждый следующий шаг партнера не облегчает, а лишь усугубляет ситуацию, усиливая нервозность участников взаимодействия и провоцируя негативные последствия.

И действительно, личность и находящийся в ее распоряжении поведенческий организм в принципе способны на многое. Личность может захотеть, а организм — исполнить. И чего в таком случае мне ждать от другого, если я сам в его отношении могу выкинуть любой фортель? Например, кто мне помешает неожиданно вырвать у дирижера палочку, если я сижу в первом ряду партера и нахожусь от этого интересного предмета на расстоянии вытянутой руки? Как говорит-

² Дополнительный в том смысле, что социальные объекты, как и объекты природные, привносят в жизнь людей немало неожиданностей, порой весьма неприятных.

ся, остерегайтесь незнакомцев! Впрочем, есть все основания побаиваться также близких (и условно проверенных) людей: кто знает, какая муха способна укусить их завтра, даже если сегодня ничто не предвещает беды?

Но на самом деле все не так уж непредсказуемо, потому что за регуляцию поведенческих актов в мире людей отвечают общество и культура, нормы и ценности. Если социальная и культурная подсистемы работают на уровне действия, по-видимому, они должны работать и на уровне интеракции. Если ценности усвоены (мной, как и им), а нормы известны (мне, как и ему), то есть шанс, что партнеры (*Ego* и *Alter*) найдут взаимопонимание. По поводу норм и ценностей должен существовать консенсус (точнее — эмпирически достаточная мера консенсуса, не обязательно стопроцентная).

А. Шюц считал, что сцепление двух и более человеческих воль в процессе интеракции обеспечивается так называемыми идеализациями «взаимности перспектив»:

1) «я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что другой делает то же самое, — что если нас поменять местами так, чтобы его „здесь“ стало моим, я буду на том же расстоянии от предметов и увижу их в той же системе типизаций, что и он; более того, в моей досягаемости будут те же предметы, что и в его (обратное также верно);

2) «пока нет свидетельств обратному, я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что и другой тоже, — что различия перспектив, проистекающие из уникальности наших биографических ситуаций, нерелевантны наличным целям каждого из нас и что „мы“ предполагаем, что каждый из нас отбирает и интерпретирует реально или потенциально общие нам объекты и их свойства одинаковым образом или, по меньшей мере, в „эмпирически идентичной“ манере, достаточной для всех практических целей» [Шюц, 2004: 15].

Объясняя свою позицию, создатель социальной феноменологии пишет: «Социальный мир, в котором я живу как человек, связанный с другими множеством отношений, является для меня объектом, который я должен интерпретировать как осмысленный. Он имеет смысл для меня, но точно так же я уверен, что он имеет смысл и для других. Кроме того, я полагаю, что мои акты, ориентированные на Других, будут пониматься ими так же, как я понимаю акты Других, ориентированные на меня. Более или менее наивно я предполагаю существование общей схемы координат как у моих актов, так и у актов Других... Будучи уверенным в том, что Другие хотят выразить что-то своим актом... я пытаюсь установить значение, которое имеет данный акт, особенно для моих соакторов в социальном мире, и, пока у меня нет доказательств обратного, я предполагаю, что это значение для них... соответствует значению их акта для меня» [Шюц, Парсонс, 2021: 99—100].

Т. Парсонс же в свою очередь полагал, что согласие акторов относительно норм и ценностей, гарантированное слаженным функционированием подсистем интеграции и поддержания образца, в конечном счете обеспечивает упорядоченный, организованный и прогнозируемый характер социального взаимодействия.

Ego знает или с высокой степенью вероятности догадывается, что именно в конкретной ситуации от него хочет *Alter*; встречно — и *Alter* имеет некоторые представления о намерениях *Ego*. Желательно также, чтобы они не ошибались

в этих своих знаниях и догадках. И, наконец, нужно, чтобы на уровне конкретных поведенческих реакций они демонстрировали обоюдный конформизм, или, что то же самое, удовлетворяли ролевым ожиданиям друг друга. Общество уже расставило их по определенным местам в социальной структуре, именуемым позициями или статусами; они проинформированы культурой и системой формально-неформальных социальных норм, как себя требуется вести в определенных ситуациях по отношению к определенным Другим; они не просто осведомлены о своих ролях, но и фактически играют данные роли. Поэтому-то, собственно, дирижерские палочки слушатели и музыканты у дирижеров в ходе исполнения концертов обычно не выхватывают.

Так аналитически решается так называемая Гоббсова проблема, или проблема социального порядка. Разумеется, это всего лишь теоретическая модель, потому что абсолютная определенность в системе ролевых ожиданий в сочетании с обоюдным конформизмом акторов есть не более чем предельный, идеально-типический случай благоприятной межчеловеческой интеракции (абстрактный образец взаимодействия с положительным исходом)³.

Социальные интеракции — это своего рода волокно, пряжа, и из этого материала образуется ткань социальных отношений. Указанные отношения воспроизводятся во времени, закрепляются и кристаллизуются в форме социальных институтов. Собственно говоря, эти последние и представляют собой исторически сложившиеся комплексы, ансамбли или композиции социальных отношений. Порядок интеракции, о котором писал И. Гофман [Гофман, 2002], по сути, мало чем отличается от социального порядка, о котором рассуждали структурные функционалисты. Течение социальной жизни совершается в ситуационно-институциональном русле. Сверху донизу, от макро- до микроуровня социальная жизнь оказывается нормированной, фреймированной и правилосообразной.

Как действия и интеракции рутинизируются и хабитуализируются, так институты и поддерживающие и обслуживающие их «символические универсумы» культуры обнаруживают склонность к самоподдержанию [Бергер, Лукман, 1995]. В распоряжении институтов находится богатый арсенал инструментов социального контроля. Санкции применяются, конформизм поощряется, девиации пресекаются. При поддержании социального порядка, то есть самого себя, общество выступает не только как репрессивная машина, но и как «священный номос», «гармонически организованная вселенная смыслов», в которую требуется просто уверовать [Бергер, 2019].

Сложноорганизованные общества имеют сложную институциональную структуру, дифференциированную по горизонтали и вертикали. Когда говорится, что в обществе существует стратификация (социальное расслоение), это означает также, что имеют место координация, субординация и иерархия как специфические характеристики социальных отношений. Материальные и символические ресурсы

³ Следует признать, что в эмпирической реальности социальной жизни люди понимают друг друга как раз довольно плохо, не схватывают чужие ожидания на лету и не отличаются особой покладистостью. Тем не менее минимально-го, то есть условно приемлемого, уровня согласованности действий акторов все же, по-видимому, достичь удается, в противном случае «коллес на глиняных ногах» под названием «общество» (такой крупный и такой прочный одновременно) давно бы разрушился. Транспорт ходит (более или менее) по расписанию, в магазинах продают товары, члены семьи (обычно) возвращаются домой после работы и т. п.

в обществе оказываются распределены неравномерно; среди социальных отношений как особая их разновидность выделяются отношения неравенства, власти, господства и доминирования (одних акторов над другими)⁴. Разумеется, на арене общества разворачивается борьба за разные виды ресурсов («капиталов»). Пользуясь бурдьеанской терминологией, можно сказать: общество представляет собой сложноорганизованное иерархизированное социальное пространство, состоящее из разных измерений — «полей» (достаточно автономных, но все же накладывающихся друг на друга). Каждой позиции в социальном пространстве будет соответствовать определенная субъективная диспозиция социального агента, или «габитус». Если вы, например, из богатой семьи, вы, скорее всего, будете думать и рассуждать, как человек из богатой семьи: будете оправдывать свое положение, или — как вариант, реже встречающийся, но все же довольно типичный, — будите жалеть бедных, и тогда вас можно будет назвать богачом с добрым сердцем.

Напомним, мы начали наш разговор с индивидуального действия и мало-помалу добрались до «больших» социологических понятий, таких как институт, структура, система, обычно употребляемых сторонниками социального реализма. И, кстати, творчество, креативность актора, потенциальная инновационность человеческих поступков, разнообразные проявления свободы воли вполне вписываются и в реалистскую перспективу анализа. Институциональные и культурные системы при всей их инертности меняются, а в современных обществах меняются буквально на глазах, что, правда, не отменяет их принудительности (как специфического свойства социальных фактов). Соотношение процессов социального производства и воспроизводства, морфогенеза и морфостазиса подвижно, неодинаково в разных обществах на разных этапах их развития.

В конечном счете не так важно, описываем ли мы общественную жизнь в реалистских или номиналистских терминах, она все равно — в обоих этих случаях, как и в комбинированных, синтетических версиях социологического анализа, — предстает перед взором исследователя как реальность потенциально объясняемая и теоретически законосообразная. Можно задаться вопросом, где же все-таки в исследовательском пространстве социальной теории действие встречается со структурой. И ответ может показаться парадоксальным: везде! Потому что действие и структура на самом деле никогда и нигде не расстаются. Действие само по себе является структурой особого рода, но и социальные структуры представить себе в отрыве от человеческого действия невозможно. Структуры (несмотря на статический привкус этого слова) на самом деле «длятся», существуют во времени. Этот аспект в жизни структур хорошо схватывается гидденсовским термином «структурация» или зиммельевским понятием «обобществление» («социация», *Vergesellschaftung*).

Выражаясь в духе того же Гидденса, можно сказать, что в производстве социальной реальности имеет место двойное структурирование: социальные структуры демонстрируют и утверждают себя только в действиях и через действия, а действия выступают проводниками структур, или, что то же самое, действие и структура в общественной жизни являются одновременно условием и резуль-

⁴ Происхождение и логика воспроизводства властных отношений, конечно, требуют (и заслуживают) специального рассмотрения в специальном исследовании.

татом друг друга. Можно также изобразить общество как большое царство на-кладывающихся, смыкающихся и пересекающихся, но все же не тождественных структур — биоорганических, психологических, ментально-когнитивных, семантико-семиотически-коммуникативных, институциональных. Волонтизм человеческого действия («свобода воли») с неизбежностью, то есть закономерно, вплетается в сеть структур разного уровня и порядка («интернальных» и «экстернальных», микро- и макро-, субъективных и объективных, аксиологических и нормативных), образующих ряд условий и предпосылок воспроизведения организованных форм социальных интеракций и отношений, а также выступающих источниками явной и/или латентной правилосообразности поведения людей в обществе.

В стиле И. Гофмана можно выразиться так: социальная реальность фреймирована минимум дважды — во-первых, в сознании актора (то есть субъективно) и, во-вторых, на уровне самой ситуации, в которой действие совершается (то есть объективно). Актор опознает ситуацию как такую-то и такую-то (отвечая на вопрос, что здесь и сейчас действительно, то есть на самом деле, происходит⁵) и ведет себя определенным образом; а ситуация всегда вписана в какой-то институциональный контекст⁶. В работе этой системы взаимного притирания действия и структур, человека и общества, свободной воли и ее социальных ограничений довольно часто наблюдаются разного рода «косяки», если изъясняться жаргонно, и «коллизии», если говорить по-ученому. Да и, возможно, слава богу! И все потому, что человек — не идеально-рациональная машина и не слепая марионетка социальных сил (поскольку он является марионеткой зрячей, хотя и близорукой, и притом довольно «взбалмошной»). Структуры, претендующие на управление человеческим сознанием и действием, слишком сложны и при всей их частичной изоморфности и корреспондируемости не подогнаны друг к другу так, как детали дорогоого и чрезмерно умного немецкого автомобиля. Механизм «субъект — структура» больше напоминает космический аппарат с начинкой «Запорожца», работающий на честном слове (Христа ради) и пилотируемый на ручном управлении. Неудивительно, что детали у такого драндулета иногда отваливаются, но потом снова бережно собираются его хозяином, желающим во что бы то ни стало продолжать свой биографический путь.

В арсенале классической философии имеется трудное для произнесения на русском языке слово «компабилизм» [Васильев, 2016]. Оно используется для маркировки позиции, признающей принципиальную совместимость двух кажущихся противоположностей — свободы воли и детерминизма. Про все происходящее в мире людей, то есть про любое социальное событие, можно сказать, с одной стороны, что «все могло случиться иначе, если бы...», и, с другой — что «у всего на свете есть свои причины». Социологические трактовки бинарной оппозиции «субъект — структура», в сущности, являются специфическими вариациями на тему философского компабилизма.

У социальной теории есть свой словарь для описания указанной проблемы и особая сфокусированность на том, что «свободные», «условно креативные» и «ограниченно рациональные» человеческие агентности действуют на арене жизни вме-

⁵ Где я сейчас нахожусь — в монастыре, библиотеке или в борделе, что я сейчас делаю — играю в преферанс с друзьями (или в шахматы с дьяволом), пью пиво или читаю Канта?

⁶ Так микро- легко переходит в макро- или в мезо-, а Гофман незаметно «переодевается» в Парсонса.

сте или сообща, за или против друг друга, но всегда в ассоциации, формы которой могут быть солидарными, конфликтными или смешанными. И у этой ассоциации — сцепления взаимоутверждающих или взаимоотрицающих воль, если выражаться в духе Ф. Тённиса, — есть своя структурная и процессуальная логика, вернее, множественные переплетающиеся логики, доступные каузальному анализу, без которых общественные науки попросту не могли бы существовать, поскольку не имели бы собственного предмета. Совместность как характеристика практической жизненной реализации человеческих воль оказывается источником и условием формирования сложных механизмов причинности, выявляемых и изучаемых социальными науками (здесь срабатывают эффекты непредвиденных последствий действий людей, их множественного, порой стихийного наложения друг на друга и т. п.). В результате свобода рождает детерминизм, а конфигурации действий эмерджентно генерируют структуры [Подвойский, 2024].

Методологический индивидуализм и социальный реализм выступают лишь условно альтернативными стратегиями интерпретации социальной каузальности, имеющей специфически круговую или, если угодно, диалектическую направленность — от действий к структурам разных типов (институциональным, социокультурным) и обратно: человек → общество (как человеческий продукт) → человек (как общественный продукт).

Интегральный и многоуровневый процесс социального конструирования реальности в этом смысле требует от теории общества постоянного поиска синтетических решений проблемы «субъект — структура», позволяющих нащупывать когнитивный фарватер между Сциллой необъяснимости таинственной и непредсказуемой свободы (или, как вариант, вульгарного психологизма) и Харибдой пугающего и лишающего нас надежды гипердетерминистского фатализма, превращающего человека в куклу *homo sociologicus*, послушную шестеренку гигантского общественного механизма, и растворяющего личность без остатка в фантастическом алгоритмическом мире функций и структур.

Список литературы (References)

1. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма // Социо-Логос / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 159—169.
Outhwaite W. (1991) Action, Structure and Realist Philosophy. In: Vinokurov V. V., Filippov A. F. (eds.) *Socio-Logos*. Moscow: Progress. P. 159—169. (In Russ.)
2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
Berger P. (2019) The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

4. Бурдье П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373—429.
Bourdieu P. (2002) The Practice of Reflexive Sociology. In: Bankovskaya S. P. (ed.) *Theoretical Sociology: An Anthology*. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Knizhnyj dom «Universitet». P. 373—429. (In Russ.)
5. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 64—76.
Vasiliyev V. V. (2016) In Defense of Classical Compatibilism. *Voprosy Filosofii*. No. 2. P. 64—76. (In Russ.)
6. Волков В. В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 157—170.
Volkov V. V. (1998) «Following the Rule» as a Sociological Problem. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 157—170. (In Russ.)
7. Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 60—104.
Goffman E. (2002) The Interaction Order. In: Theoretical Sociology: An Anthology. In: Bankovskaya S. P. (ed.) *Theoretical Sociology: An Anthology*. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Knizhnyj dom «Universitet». P. 60—104. (In Russ.)
8. Момджян К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25—41. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-25-41>.
Momdzhyan K. Kh. (2020) On the Problem of Universal Values. *Voprosy Filosofii*. No. 3. P. 25—41. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-25-41>. (In Russ.)
9. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
Parsons T. (2002) The Social System. Moscow: Akademicheskyi Proekt. (In Russ.)
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
Parsons T. (2000) The Structure of Social Action. Moscow: Akademicheskyi Proekt. (In Russ.)
11. Подвойский Д. Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм? // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 159—169. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070141>.
Podvoyskiy D. G. (2024) Why is Social Life Explicable, but Unpredictable, or How Does Freedom Give Rise to Determinism? *Sociological Studies*. No. 7. P. 159—169. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070141>. (In Russ.)
12. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М.: РОССПЭН, 2004.
Schutz A. (2004) Everyday and Scientific Interpretation of Human Action. In: Schutz A. *Selected Works: A World Glowing with Meaning*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

13. Шюц А., Парсонс Т. Теория социального действия: переписка. М.:Элементарные формы, 2021.
Schutz A., Parsons T. (2021) The Theory of Social Action: A Correspondence. Moscow: Jelementarnye Formy. (In Russ.)
14. Элиас Н. Изменения баланса между Я и Мы // Общество индивидов / Элиас Н. М.:Праксис, 2001.
Elias N. (2001) Changing the Balance between Me and Us. In: Elias N. *The Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)